

Могущество правды (1960)**

Осенью 1922 года в составе делегации Итальянской коммунистической партии на IV конгресс Коминтерна я впервые приехала в Страну Советов. Революционная волна, прокатившаяся по Италии в послевоенные годы, в этот момент пошла на убыль. Фашистские банды, вооруженные и оплачиваемые помещиками и капиталистами, совершали нападения на помещения газет, профсоюзных и политических организаций трудящихся. Начались зверские расправы над вожаками рабочих и крестьян. Фашизм готовился захватить власть.

...Поезд уносил нас все дальше от Италии. Стоя у окна вагона, я смотрела на поля и леса, уже покрытые снегом. Мы приближались к границе Страны Советов. Березовые рощи стояли словно заколдованные. В эту минуту я думала о русском народе, который большевики освободили от тяжкого гнета. Я думала о Ленине, который повел свой народ через величественные и героические битвы к победоносной Октябрьской революции, открывшей новую эру в жизни всего человечества...

Среди бесконечных снегов я увидела наконец большой красный флаг — государственная граница. Нас встречала страна социализма. С незабываемым волнением смотрела я на этот флаг.

В Москве мы первым делом встретились с товарищем Грамши***, который вот уже несколько месяцев представлял Итальянскую

* *Камилла Равера* (1889–1988) — журналист, видный деятель КПИ. Активный деятель итальянского коммунистического движения. Первая женщина в истории страны, возглавившая политическую партию и ставшая пожизненным сенатором. Считается знаковой фигурой для итальянского феминизма. Член Центрального комитета КПИ в 1923–1930 гг. Генеральный секретарь ЦК КПИ в 1927 г. Много раз бывала в СССР.

** Газета «Комсомольская правда», 9 апреля 1960 г.

*** *Грамши Антонио* (1891–1937) — выдающийся деятель итальянского и международного коммунистического движения, основатель и руководитель Итальянской коммунистической партии. Активнейший борец про-

компартию в Исполкоме Коминтерна. Уже в столице Страны Советов до нас дошло сообщение о «фашистском походе» — Муссолини вошел в Рим во главе банд «чернорубашечников». Их в открытую поддержали правящие круги. Государственные власти оказали фашистам молчаливое содействие. В Италии начиналось господство фашистского режима.

Однажды утром — до начала работы конгресса Коминтерна оставалось еще несколько дней — мне сказали: «Сегодня вы сможете побывать у Ленина».

Трудно кратко сказать, чем стал Ленин для нас, коммунистов, рабочих и крестьян Италии, для миллионов и миллионов людей во всех странах. Мы ассоциировали его имя с победой социализма. Трудящиеся всего мира видели в нем воплощение чаяний, надежд, идеалов всех угнетенных и эксплуатируемых. Ленин стал символом рождения нового мира, в котором навсегда будет уничтожена всякая возможность гнета и порабощения человека человеком.

Могущество мысли и воли Ленина, величие совершенного им труда заставляли каждого человека мысленно представлять себе Ленина могучим и величественным, почти мифическим существом. То же самое думала о нем и я.

Нас провели в его кабинет. Ленин пошел к нам навстречу, улыбающийся и сердечный, приветствуя по-итальянски и продолжая говорить дальше уже по-французски.

Я смотрела на него с внутренним смущением и изумлением: живой Ленин совершенно отличался от того образа, который сложился у меня раньше. Он был предельно прост во внешности, в привычках, в манере говорить. Все это сразу сделало разговор непринужденным и естественным. Я слушала его, и мне казалось, что это уже давно знакомый человек.

Мы сказали Владимиру Ильичу, что очень обеспокоены состоянием его здоровья.

— Чувствую я себя хорошо, — неожиданно сказал Ленин. — Однако мне приходится подчиняться деспотическим предписаниям врачей, дабы не заболеть снова. А это было бы неприятно — ведь столько надо сделать.

А затем Владимир Ильич перешел к разговору об успехах Советской власти. Ленин приводил многочисленные факты, данные. Потом сказал:

— Обо всем этом я буду говорить в своем докладе на конгрессе.

тив итальянского фашизма, захватившего власть в Италии в 1922 году. В 1926 г. Грамши был приговорен к 20 годам тюремного заключения. Умер 27 апреля 1937 г. — *Ред.*

И тут же Ленин выразил желание ознакомиться с некоторыми новостями и мнениями по поводу последних событий в Италии.

Один из членов нашей делегации вкратце рассказал о событиях, происшедших за последнюю неделю, и повторил свое ошибочное мнение, уже высказанное им раньше среди наших делегатов: приход фашизма якобы не является фактом чрезвычайного значения. Это-де простая смена министров, означающая приход к власти более реакционного правительства, и не больше. А поэтому будто бы нет причин для изменения нашей политики и действий. Главным остается, сказал он, пропаганда принципов партии.

Ленин сразу же поставил вопрос:

— А что думают о происшедшем рабочие, крестьяне, люди из народа?

— Они борются, — несмело вмешалась я в разговор. Я думала о рабочих, убитых в Турине, о тех, кто героически сражался против фашистов и погибал в городах и деревнях Италии.

— Борются? Хорошо, это хорошо, — повторил Ленин. — Потом сказал:

— Рабочий класс всегда борется за то, чтобы завоевать и отстаивать демократические права, даже если они ограничены буржуазной властью. А когда он теряет их, он борется за то, чтобы вернуть их, и вместе с этим ищет себе союзников...

Его речь была прервана: в комнату вошла Надежда Константиновна. Она поздоровалась с нами и молча посмотрела на Ленина.

— Опять провинился, — сказал он, возвращаясь к тому шутивому тону, которым всегда говорил о своем здоровье, — время для нашего разговора окончилось. Вот что означает появление Крупской. Предписания врачей строги: переговоры не могут продолжаться свыше известного числа минут. И я, человек дисциплинированный, им повинуюсь. Мы увидимся на конгрессе, — добавил он сердечно, провожая нас до дверей своего кабинета.

Расставаясь, Владимир Ильич сказал нам серьезным тоном:

— У вас будет долгая и трудная работа. Главное — никогда, ни при каких обстоятельствах не терять связей с рабочими, с крестьянами, с женщинами, с жизнью всего народа.

Вернувшись в гостиницу, где остановилась наша делегация, я встретила товарища Джерманетто. Он спросил меня:

— Ты действительно была у Ленина?

Я подтвердила.

— Тебе повезло, — заметил он. — Мы-то его не увидим.

— Да нет же, — сказала я. — Мы все его увидим и услышим на конгрессе.

— Говорят, что его там не будет. Врачи против.

— Будет. Он сам сказал.

Джерманетто засиял и пошел сообщить новость другим товарищам. С просьбой подтвердить это ко мне зашел наш товарищ Натанджелло, молодой рабочий из Неаполя, которого мы в шутку называли «певцом», наверное, потому, что во всем мире распространено мнение, будто любой неаполитанец — певец. Его часто приглашали спеть что-нибудь делегаты из других стран. Натанджелло любезно запевал какую-нибудь неаполитанскую мелодию. Позже он признавался, что ему никогда не приходилось столько петь, как в Москве. «Певца» очень пугало, что ему не удастся передать Ленину привет, как об этом его просили земляки-рабочие.

— Ну как я покажусь у себя, — говорил он, — если я не полностью моего обязательства? Они провели на заводе сбор денег, чтобы помочь мне приехать сюда.

Ленин пришел на конгресс. Во время заседания члены нашей делегации неожиданно узнали, что Ленин направляется по коридору в зал. Мы бросились ему навстречу. Джерманетто поздоровался с ним по-французски, а потом объяснил, что мы — итальянские делегаты. Натанджелло был взволнован до предела.

— Теперь ты можешь передать привет от своих товарищей из Неаполя, — шепнула я ему.

Но он только смотрел на Ленина, не произнося ни слова.

— Я расскажу об этом своим товарищам, — говорил Натанджелло позже. — Они поймут, как я был взволнован.

Нужно ли говорить, что земляки нашего неаполитанского друга все отлично поняли.

Рим, апрель 1960 г.